

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Владимирский государственный университет

М.А. БАРАШЕВ, В.Н. РЕВЯКИН

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЛАНДШАФТЫ
ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ.
ОЧЕРКИ

Учебное пособие

Владимир 2007

УДК 712
ББК 85.118.7
Б24

Рецензенты:

Доктор педагогических наук, профессор
зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Владимирского филиала Российской академии
государственной службы при Президенте РФ

Е.А. Плеханов

Кандидат исторических наук, доцент председатель правления
Владимирского областного общества краеведов

А.К. Тихонов

Печатается по решению редакционного совета
Владимирского государственного университета

Барашев, М. А.

Б24 Культурно-исторические ландшафты Владимирского
края. Очерки : учеб. пособие / М. А. Барашев, В. Н. Рева-
кин ; Владим. гос. ун-т. – Владимир : Изд-во Владим. гос.
ун-та, 2007. – 48 с. : ил.

ISBN 5-89368-740-X

Рассматривается ряд наиболее значительных культурно-истори-
ческих ландшафтов Владимирского края. Их описание тесно связано
с освещением исторических событий, происходивших на территории
края, а также с характеристикой некоторых памятников архитектуры.
Отдельный очерк посвящен садово-парковому искусству в сельских
дворянских усадьбах Владимирского края XVIII – XIX вв.

Предназначено для студентов 1, 2, 4-го курсов специальности
031401 – культурология, 031502 – музеология очной формы обуче-
ния, аспирантов, специалистов и широкого круга читателей.

Библиогр.: 34 назв.

УДК 712
ББК 85.118.7

ISBN 5-89368-740-X

© Владимирский государственный
университет, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Ландшафт – один из важнейших компонентов материальной и духовной жизни человека. Столетиями люди распахивали поля, вырубали и сажали леса, осушали болота, меняли рельеф и растительный покров, разводили сады и огороды, разбивали парки, основывали города и села, строили монастыри и дворянские усадьбы, возводили плотины и мосты. В результате рутинной жизнеобеспечивающей и художественно-созидательной деятельности человека естественный ландшафт постепенно приобретал черты антропогенного. Формирование антропогенного ландшафта было неразрывно связано с историко-культурным развитием данной местности, региона или страны в целом. На протяжении столетий он накапливал культурный слой, который со временем превратился в доминирующий фактор его эволюции. Культурно-исторический ландшафт – это целостная и территориальная совокупность природных и историко-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного действия природных процессов, художественно-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей.

Владимирский край на протяжении столетий неоднократно менял свой административный статус и границы. С IX по XV вв. его земли входили в состав древнерусского государства Киевская Русь, затем образовали самостоятельное Владимиро-Суздальское княжество и, наконец, перешли под власть Москвы. В XVI – XVIII столетиях уезды Владимирский, Суздальский, Шуйский, Переславский, Муромский, Юрьевский и Гороховецкий были частью так называемого Замосковского

края. В 1708 г. территория Российского государства была поделена на восемь губерний. Города Владимирского края – Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Переславль-Залесский, Муром и Шуя – вошли в состав Московской губернии, а Гороховец – в состав Казанской губернии.

Во Владимирскую губернию, образованную в 1778 г., вошли старинные экономически развитые русские земли с устойчивыми традициями вотчинно-поместного землевладения, быта и зодчества, сложившимся антропогенным ландшафтом, исторически закрепившимися центрами строительных и художественных ремесел. Новообразованная губерния была разделена на 13 уездов по принципу «дабы порядочно могли быть управляемы» (Владимирский, Суздальский, Переславский, Юрьевский, Шуйский, Муромский, Гороховецкий, Александровский, Покровский, Судогодский, Ковровский, Вязниковский, Меленковский) и граничила на севере с Ярославской и Костромской, на востоке – с Нижегородской, на юге – с Тамбовской и Рязанской, на западе – с Московской и Тверской губерниями. Ее площадь составляла около 49 020 км.

Владимирская губерния располагалась на Волжско-Окском междуречье, представлявшем слабо всхолмленную равнину с многочисленными лесами, речками и озерами. Леса на ее территории занимали около 69 % площади. На западе, северо-западе, северо-востоке и юге губернии росли смешанные леса с преобладанием хвойных пород (в основном сосна), в средней части располагалась зона суходолов с лиственными лесами (береза, клен, осина, орешник).

Основными реками являлись Ока, Клязьма, Увось, Теза, Лух. В XVIII в. были судоходны: Ока – на всем протяжении в пределах губернии и Клязьма – от города Коврова до устья. По Оке «во все лето» отправлялись струги « ... с хлебом, вином, французской водкой, табаком, чугунными горшками, сковородами, молотами, железом и разными артиллерийскими припасами, с золою, рыбою, топленным салом, пенькою, стеклом, дегтем и алебастром до Санкт-Петербурга, Нижняго, Казани и прочих городов» [30, с. 128 – 129]. По Клязьме перевозили «в больших прошивных лодках» глиняную посуду, известь.

Озер в губернии было довольно много, но все они невелики, за исключением Плещеева озера площадью около 51 км². Много мелких озер- стариц находилось в поймах рек Оки и Клязьмы. На территории губернии в большом количестве имелись залежи известняков, кирпичных, огнеупорных и белых глин, много гипса, гравия и бугового камня. Несмотря на то, что протяженность Владимирской губернии с севера на юг была около 257 км, а с запада на восток – около 348 км, своеобразие природных условий ее северо-западной и юго-восточной частей, разделенных рекой Клязьмой, было значительным. Возвышенной и безлесной, меньшей по площади северо-западной части противостояла лесистая и влажная, большая по площади юго-восточная часть, захватывавшая территорию болотистой Мещерской низины.

Начало формирования культурно-исторических ландшафтов на территории Владимирского края связано главным образом со славянской колонизацией этих земель в IX – XIII вв. За прошедшие столетия здесь сложились десятки замечательных культурно-исторических ландшафтов, многие из которых сегодня являются памятниками истории и культуры или особо охраняемыми природными территориями.

Исследованию различных аспектов формирования и развития культурно-исторических ландшафтов Владимирского края посвящены сочинения отечественных специалистов в области гуманитарных и естественнонаучных дисциплин (Ю.А. Веденина, Ю.В. Кривошеева, А.И. Скворцова, В.И. Лучковой, М.П. Шилова и др.), а также владимирских краеведов (Н.Я. Дубенского, В.И. Реброва, В.Н. Ревякина и др.).

Учебное пособие подготовлено на основе изучения архивных материалов, хранящихся в фондах РГАДА и ГАВО, графических и художественно-изобразительных источников, исторической литературы и натурного обследования ряда культурно-исторических ландшафтов Владимирской области.

В настоящих очерках, не претендующих на полноту освещения, рассматриваются разнообразные культурно-исторические ландшафты Владимирского края в их прошлом и настоящем. В первом очерке дается характеристика усадебного садово-паркового искусства Владимирского края в XVIII – XIX вв., во втором очерке описывается ряд интересных культурно-исторических ландшафтов Владимирской области. Издание снабжено иллюстративным (приведен в приложении), библиографическим и дидактическим материалом.

Очерк 1. УСАДЕБНЫЕ САДЫ И ПАРКИ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ XVIII – XIX вв.

Усадебное садово-парковое искусство представляет собой прекрасное сочетание природы и результатов труда человека. Оно как подражает природе – на небольшом участке демонстрируя художественный вкус и интерес к природе, так и преобразует ее – каждый цветок и каждое дерево воплощают ум и мастерство паркоустроителей. Рукотворные горы и овраги, водоемы и насаждения, садовая архитектура формируют не только материальный мир парков, но и особую духовную атмосферу; создают художественную гармонию сосуществования человека и природы.

Первые опыты по устройству садов во Владимирском крае относятся к XII столетию. В это время здесь появляются сады при княжеских городских дворцах и загородных резиденциях, а также боярских вотчинах. Большую роль в их создании сыграли монахи, приглашенные местными князьями из Киева. Так, есть предположения, что по приказу владимирского князя Андрея Юрьевича был устроен увеселительный «висячий», или «верховой», сад в его Боголюбовской резиденции. Во Владимирском крае XVI – XVII вв. сады становятся неотъемлемым элементом сельских усадеб в вотчинах и поместьях служилых людей по отечеству. Усадебный «парк» включал в себя яблоневые сады с овощными и аптекарскими огородами, прудами и рыбными садками, а также березовую рощу и заливной луг, расстилавшийся перед рекой или большим прудом. Несмотря на преимущественно утилитарный характер подобных садов, в них появились и декоративные элементы: беседки-«чердаки» и шатры, скамьи-«сиделки» и кресла-«троны», богато расписанные и украшенные затейливой резьбой, деревянные скатные горы и хороводные поляны. Один из лучших садов того времени был разбит в знаменитой резиденции царя Ивана Грозного Александровской слободе.

XVIII – XIX вв. – это эпоха расцвета усадебного садово-паркового искусства во Владимирском крае. В это время у местного дворянства устройство садов и парков в сельских усадьбах стало делом престижным, хотя и дорогостоящим. Поскольку так же, как и господский дом, они могли многое сказать о своем владельце и прежде всего о его социальном статусе и художественном вкусе. А кроме того, хорошо «продуманный» парк оставался той единственной частью усадьбы, где дворянство в полной мере стремилось воплотить в реальность свои самые сокровенные фантазии и мечты; причем специфический язык и выразительные средства садово-паркового искусства позволяли осуществить их с максимально возможным успехом. Первый регулярный парк европейского типа появился во Владимирском крае во второй четверти XVIII в. в имении Салтыковых в селе Черкутине (Собинский р-н). Однако широкое распространение подобных парков относится уже к 1760 – 1770-м гг., когда на территории края безраздельно господствовал стиль барокко. В глазах местного дворянства регулярный парк был не столько местом общения с природой, сколько сценой, на которой разыгрывался спектакль усадебной жизни и где природе, или, как тогда говорили, «Натуре», отводилась одна из главных театральных ролей. Регулярный парк должен был поражать и удивлять своих зрителей, а поэтому он был гораздо богаче растениями и ярче красками, чем реальная природа. Его сложные и разнообразные формы, олицетворявшие собой «Натуру», воздействовали на эмоции помещиков с необычайной силой. В это время «великолепный» регулярный парк служил блестящим антуражем «великолепной» усадебной архитектуре и по своим художественным качествам стремился не только не уступить, но и превзойти ее.

В эпоху барокко регулярные парки в «порядочных» усадьбах местных помещиков, видимо, занимали небольшие, от 2 до 15 га, участки относительно ровного рельефа в виде продолговатых прямоугольников (Жерехово, Собинский р-н, Ратислово и Сима, Юрьев-Польский р-н, Клины и Ильинское, Кольчугинский р-н). В опольной части края их, как правило, окружали замаскированными естественными оврагами или искусственными рвами глубиной около 1 – 1,5 м (Ильинское,

Клины), а иногда невысокими валами (Андреевское, Петушинский р-н). Периметральная посадка из древесно-кустарниковых пород (Жерехово, Ильинское, Клины) защищала регулярный парк от сильных ветров и создавала в нем благоприятный микроклимат, придавая всей парковой композиции цельность и законченность. Для ярко выраженных симметрично-осевых композиций местных парков в духе барокко были характерны: отточенность форм, величие перспектив, подчеркнутых прямоугольной стрижкой кустарников, скульптурные ансамбли и множество декоративных элементов (фонтаны, каскады, лабиринты, водные зеркала и т.п.). Точно по главной планировочной оси парка («прешпекту») размещался «деревенской» дом, а проходящая вдоль его фасада дополнительная ось обычно выводила к усадебной церкви или хозяйственному комплексу (Жерехово, Ильинское, Андреевское). Однако владимирские паркоустроители, всегда соизмеряя то, что находилось по обе стороны «прешпекта», редко допускали зеркальное совпадение. Геометрически симметричные аллеи разной ширины и опрятные, посыпанные песком или битым кирпичом дорожки разделяли регулярный парк на партеры, боскеты или иные фигурные насаждения, которые в это время часто отличались вычурностью и усложненностью рисунка. Например, в усадьбе Зубовых «Фетинино» (Собинский р-н) такие насаждения представляли собой букву «Ф», отчетливо видимую с определенной высоты – типичный прием садово-паркового искусства, приучавший зрителя рассматривать местность с высоты и ценить художественную красоту дали.

А между тем в провинции главное достоинство парковых композиций в глазах даже состоятельных помещиков заключалось в простоте и ясности композиционного замысла, в отсутствии каких-либо излишеств и дорогостоящих затей. Но разнообразные водные мотивы садово-паркового искусства (пруды, каскады, ручьи и т.п.) всегда пользовались у помещиков неизменным успехом, и средств на их устройство никогда не жалели (Клины, Жерехово, Ратислово, Андреевское). Изысканный характер парковой композиции в усадьбе Всеволожских (Жерехово) придавали вытянутые вдоль фасада «деревенского дома» три больших (около 80×60 м) прямоугольных пруда, дно

которых было выложено камнем; причем центральный пруд представлял собой огромное водное зеркало с выразительным художественным эффектом отражения. Удивительная по красоте строго геометрическая террасная композиция была создана в регулярном парке усадьбы «Ратислово», где симметричные каскады, каждый из которых состоял из четырех прудов размером около 20×25 м, связывались между собой на верхней террасе широким, около 10 м, каналом для водных потех владельца имения. Пруд размером, как правило, 20×30 м и с дном, выложенным камнем, был наиболее устойчивым признаком и самым типичным приемом в организации композиции регулярных парков в губернии, причем наличие или отсутствие реки особого значения не имело (Клины, Сима, Андреевское; Варварино, Юрьев-Польский р-н и т.п.). Пруд обычно размещали так, что зрительная перспектива, открывающаяся из окон господского дома, была направлена либо вдоль продольной оси водоема, либо по диагонали к нему. Такое расположение позволяло включать в видимый пейзаж максимально большую территорию, покрытую водой (Ильинское; Воспушка, Петушинский р-н). Однако популярные в столичных усадьбах эпохи барокко фонтаны в провинции оставались довольно редким явлением (Ильинское).

Регулярные парки местных помещиков также отличались композицией с постепенным переходом от закрытых пространств к открытым. Эффектная регулярная композиция в усадьбе Голицыных (Сима) была построена на контрастном сочетании регулярного парка, разделенного вытянутым партером на две квадратные в плане части с диагональными аллеями, и открытого пейзажного ландшафта Ополя. Работавшие в губернии мастера садово-паркового искусства обладали удивительным умением вписывать рукотворные красоты в природный пейзаж, чему в немалой степени способствовало то, что основная масса парковых растений состояла из местных пород – липы, ели, березы, сосны, дуба, рябины, яблони, вишни, крыжовника, терна, смородины, малины [5, л. 164]. Деревья, кустарники и цветы тщательно отбирались для парковых пейзажей, которые должны были вызывать у «сельских жителей» различные эмоции и создавать подходящие настроения. В уса-

дебных парках местные помещики предпочитали растительность ярких тонов, меняющихся по временам года, и сочный колорит вечнозеленых хвойных насаждений. Регулярные парки обладали исключительно высокими художественными качествами, но требовали огромных затрат как на их создание, так и уход за ними. А сельское дворянство в провинции всегда хотело иметь сады и парки, которые «единожды засаженные, не требуют уже дальнейшего старания и издержек» [19, с. 40].

С середины 1770-х гг. под влиянием идей французского Просвещения в среде дворянства возрастает интерес к внутреннему миру Человека, усиливается потребность в частной жизни с уединенными философскими размышлениями и литературно-художественными занятиями. Идеальным местом для чувственного мирозерцания и повседневного бытия остается, в представлениях просвещенных помещиков, «Натура», воплощенная в усадебных парках. Однако в это время «Натуру» уже воспринимали иначе, чем в эпоху барокко. «Истинную Натуру» теперь видели в «дикой» природе, удаленной от шумного города, проникнутой безмятежным покоем, нарушаемым лишь шелестом листьев и журчанием ручьев, пением птиц и голосами животных. Она теперь олицетворяла собой чудесный мир, где Человек мог постоянно ощущать присутствие неких таинственных и могущественных сил природы. Каждый помещик стремился стать причастным к этому загадочному миру прежде всего через превращение своих садов и парков, «кои искусством зделаны», в «натуральные». В последней четверти XVIII в. мода на пейзажные («аглицкие») парки быстро распространилась в различных кругах провинциального дворянства.

В эпоху классицизма «садоводство» в глазах дворянства почиталось как «... лучшая, приятная и утешительная часть земледелия; но требующая с другой стороны множайшего попечения; и как нет почти в году месяца, в котором бы она чего либо не приносила, равномерно нет времени в котором не нашлось бы чего-нибудь в саду сделать. Однако ж все таковые работы легки и прибыльны; ибо Натура платит за них ежедневно из сокровищницы своих чудесных богатств и красоты» [18, ч. 7, с. 1]. В это время даже состоятельные помещики не гнушались собственноручно «расчерчивать» свой «порядоч-

ный» парк для «красоты и пользы», а иногда и ухаживать за своими деревьями, кустарниками или цветами. Так, рачительный хозяин А.В. Суворов в ундольском имении «... собственноручно носил бечеву с колышками и намечал здесь линии по которым рассаживались эти деревья» [33, с. 56]. А между тем поскольку «... разведение сада не только для охотника приносит забаву и утешение, но ежели расположен как должно, и имеет за собою порядочный присмотр то сверх удовольствия может также доставлять нарочитую прибыль не только продаже произрастающих в нем плодов, но и самых деревьев; ток что со временем при хорошем прилежании и рачительности заплатить с великою сугубостью все на него положенные труды и попечения ...» [21, ч. 1, с. 1], то полезным делом признавалось обращение за советом к «ученым в сем роде людям». Все тот же А.В. Суворов писал своему управляющему М.И. Поречневу в Ундол: «...Для этого попроси графа Воронцова садовника, чтобы он сад поправил, плодовые деревья подчистил и мастеру нашему Александру показал каких и впредь подрезать. Тако же какие есть в цветниках и огороде из растеньев семена собирать и плодов довольно запасти, а его садовника воронцовского по приличеству отблагодарить» [25, с. 106 – 107].

В постоянном стремлении превратить усадебные сады и парки в нечто особенное помещики тратили огромные средства на необходимые, редкие или модные растения, которые привозились в имения из различных мест. Например, в усадьбу Воронцовых «Андреевское» их заказывали:

– в усадьбе Трубецких (с. Костино, Владимирская губерния): «... В саду все деревья, ... посадить, такие и лип кронных поболее подсадить, взяв у князя Трубецкого клубники, розов, и смородины, и малины ...» [5, л. 44 об.];

– владимире «... Выдано садовнику Петру Полякову, кои ездил в Володимер для надсмотрения прививных дерев ...» [3];

– Москве: «... Весною накуля в Москве розовых кустов рублев на десять ...» [4, л. 8 об.];

– Португалии: «... Касательно апельсиновых черенков, то они действительно очень малы, но им и быть теперь большими не можно, он и черенками привезены из Португалии, их так разводят ...» (присланы в «Андреевское» из Петербурга. – М. Б.) [9].

Кроме того, в это время владельцы «порядочных» усадеб нередко обменивались между собой опытом паркоустройства, дарили друг другу садоводческую литературу или разнообразные растения. Так, управляющий усадьбой «Андреевское» Г.Т. Мещерягин в 1779 г. докладывал графу А.Р. Воронцову, что «... посажено васильевских четырнадцать вишен от батюшки вашего сиятельства присланных, а ему господином Грибоедовым подаренных ...» [6, л. 80 об.]. Подобная система художественных связей играла важную роль в развитии провинциального садово-паркового искусства, где фантазиям дворянства, их «образцу-мечте» часто было тесно в узких рамках общепринятых правил усадебного строительства эпохи классицизма.

В последней четверти XVIII – начале XIX в. признавалось, что для «продуманного» парка «... род расположения должен всегда согласоваться с свойством места. Но и от сего правила можно иногда удалиться. Например, можно провести реку близ высоты горы и произвести подобие орошенной долины, лиш бы только окружные предметы совершенно тому соответствовали, и ни какого вида склонения не было» [20, с. 23]. В это время «ученые в сем роде люди» указывали, что «... красота и доброта садовых расположений зависит по большей части от различия между противоположением и несогласием ...» [20, с. 22], причем «... противоположение часто открывает красоты, которые бы, судя по положению места не можно было себе представить. Употребление оного способнее всего во внутреннем расположении рощей, разные повороты дорог, закрытия и отверстие кустов, вид высоких больших деревьев, и внезапной перед от одною степени тени к другому могут впечатлять в воображении величайшие идеи» [20, с. 24]. Они также отмечали, что «... приятнейшая виду и удобнейшая к возделыванию фигура саду продолговатый четверугольник, которого углы прямо отсечены, и который, в полтора или два раза длиннее своей ширины» [18, ч. 7, с. 11], но рекомендовали его разделять «... на четыре части, именно на овощник, сад плодovitый, сад цветочный и сад увеселительный, или к украшению служащий; присовокупляется иногда к сему сад Ботанический» [18, ч. 7, с. 1].

На известном гравированном плане 1795 г. местоположение каждой части усадебного парка было точно показано, соотносясь с «пользою и красотою». А между тем помещики хорошо осознавали, что «... начертание сада надлежит производить не спешив, с совета людей в этом искусных, а паче всего соображаясь с кошельком своим» [18, ч. 8, с. 1]. «Подобные наставления» и художественные рекомендации о «расположении, содержании и украшении садов, огородов, оранжерей, теплиц, парников, цветников и прочее» состоятельные помещики получали из популярных практических руководств и справочников Н. Иванова, Н.Г. Осипова или В.А. Левшина, а также статей А.Т. Болотова в «Экономическом магазине». Но в поисках «образца-мечты» любимого усадебного детища и его конкретных «праобразов» местное дворянство, как правило, обращало свое внимание на регулярные сады и пейзажные парки Подмосковья. Великолепные Кусково и Архангельское, изысканные Останкино и Горенки, живописные Царицыно и Вороново вызывали неизменное восхищение провинциалов, а главное – желание им подражать и даже копировать отдельные мотивы. Однако недостижимо прекрасным идеалом для них навсегда остались полные очарования парки Павловска с их неповторимой музыкой природы и поэзии зодчества.

Еще одним источником художественного вдохновения образованного дворянства являлись пейзажная живопись и архитектурный рисунок, тем более что выполняя по их заказу проект, архитектор нередко делал рисунок будущего здания, изображая его в природном или искусственном пейзаже. Популярными среди усадебных паркоустроителей европейские (Н. Пуссен, К. Лоррен, Ф. Буше, Ю. Робер, Я. ван Рейсдал, Р. Уилсон, Т. Гейнсборо, П. Гонзаго) и отечественные (С.Ф. Щедрин, Ф.М. Матвеев) художники вряд ли были хорошо известны среди местных помещиков, хотя отдельные сюжеты крупных усадебных парков Ополя, особенно с водными мотивами, могли бы стать воплощением в реальность полотен Я. ван Рейсдала (Домик в роще. 1646. Санкт-Петербург, Эрмитаж; Пейзаж с путником. Начало 1650-х гг. Санкт-Петербург, Эрмитаж; Болото. Вторая половина 1660-х гг. Санкт-Петербург, Эрмитаж), Ф. Буше (Пейзаж с прудом. 1746. Санкт-Петербург, Эрмитаж)

или Т. Гейнсборо (Пейзаж с прудом). В богатых усадебных коллекциях Владимирского края присутствовали: голландская пейзажная живопись XVII в., работы крупного немецкого пейзажиста Я.-Ф. Хаккерта, виды римских сооружений, выполненные замечательным итальянским гравером Дж.-Б. Пиранези, а также листы «руин Римских древностей, рисованных разными красками» (акварели «Вид императорского дворца в Риме» и «Арка Константина») и увраж И.-И. Винкельмана, посвященный античным монументам, в трех томах (Андреевское). Кроме того, в 1770-е гг. в крае жил и работал в различных жанрах живописи известный крепостной художник М. Шибанов.

С середины 1770-х гг. во владимирских усадьбах состоятельных помещиков в моду постепенно входят пейзажные («аглицкие») парки, которые в начале XIX в. стали повсеместным явлением в провинции. Первый пейзажный парк во Владимирской губернии появился в 1775 г., когда граф Воронцов приказал: «... где ныне скотный двор, лесной двор и гумно, все оное под новой сад по плану огородив, тут сделать теплицу и оранжерею, перед ними пруд, а позади аглицкой сад садить Сергею садовнику для чего и дать ему несколько работников» [5, л. 44]. Однако в основе большинства местных пейзажных парков лежали старые регулярные сады, которые частично перепланировали в «аглицкие» следующим путем: «...1-е – посаженную линиями рощу подсадкою тако ж резного лесу все сделать без линейно, а просто, как лес. 2-е – прешпективную в оной роще дорогу оставить прибавя к ней внутрь подсадку кронных и хороших, кои следует достать у господина Трубецкого из лесу, лип, а каким расстоянием от боковых березок, и в длину одну от другой посадить, о том тебе и садовнику сказано ... 3-е – подле заборов внутри оной рощи посадить же яблони ...» [5, л. 88]. Кроме того, поскольку «ученые в сем роде люди» советовали, что «... не должно закрывать хорошую фасаду, хороший вид, делать дом влажным и нездоровым лишнею тенью ...» [20, с. 30 – 31], помещики, не затрагивая старые регулярные сады, устраивали пейзажные парки среди близлежащего лесного массива, рассекая его многочисленными аллеями и превращая его в «увеселительные лесочки», которые «... служат великим украшением садам и никакой сад не может называть-

ся совершенным есть ли не имеет оных одного или нескольких» [19, ч. 1, с. 28]. При этом опытные паркоустроители всегда руководствовались одним правилом: «... превращение лесов в рощи дает свободный вид и открывает различные предметы. Границы употребления его должны быть положением места и родом вида, которой с ним сходствует: ибо хотя открытие посреди лесу обыкновенно нам приятны, однако совершенное истребление кустарников вредит расположению» [20, с. 31].

В последней четверти XVIII – начале XIX в. общая площадь пейзажного парка в местных усадьбах увеличилась по сравнению со старым садом почти в три-четыре раза, хотя даже при включении в его структуру «увеселительных лесочков» и зверинцев редко превышала 100 га. В это время «порядочный» парк, как правило, состоял из «сада плодovitого», «сада аглицкого», «сада регулярного» и «прешпекта» [7, л. 32]; причем в крупных усадьбах, подобных Андреевскому, появлялись дополнительные «сады» («нижний») [7, л. 32] и «прешпекты», а также зверинец [1]. Одна часть парка отделялась от другой и от внешнего окружения высокой, иногда 5 – 7 м, каменной стеной [1], частоколом [6, л. 104] или палисадником [10, л. 130 об.], но чаще всего живыми оградами из терна, акации, «красной и белой брусковой и круглой смородины» [8, л. 40], которые четко организовывали его внутреннее пространство.

В целом для пейзажных композиций местных усадебных парков (Андреевское; Фетинино; Сима; Костино, Петушинский р-н; Варварино; Воспушка; Омофорово, Собинский р-н, Снегирево, Кольчугинский р-н) было характерно: обязательная ориентация в сторону открытых пространств и речных долин, гармония регулярных и ландшафтных форм, постоянное тяготение к многоплановым и живописным парковым сюжетам, относительно свободное размещение архитектурных и природных доминант, изысканная аранжировка растений и сочетание красок, многообразие водных мотивов, широкое использование естественных «красот». Местный колорит усадебных парков Владимирского края обогащали посадкой чужеродных видов растений, которые «сельским жителям» привозили из Америки (клен американский) и Европы (лиственница европейская), Сибири (желтая акация) и юга России (барбарис, липа круп-

нолистная), а яркие тона в палитру красок добавляли приемом совместного размещения в «прешпектах», оградах и «увеселительных лесочках» «плодовитых» и «лесных» деревьев и кустарников [6, л. 16; 8, л. 40 – 41].

В это время въездная аллея («прешпект») стала, пожалуй, самой семантически значимой частью пейзажного парка. Она вводила помещика в мир его воспоминаний и надежд, шаг за шагом приближала его к «прибежищу истинного покоя, добродетелей и чистаго счастья». По длине и ширине въездной аллеи, ее растительному и скульптурному декору, как правило, судили о социальном статусе владельца усадьбы, а поэтому она являлась предметом постоянной заботы местных помещиков: «... прешпектах продолжать во всякое лето как плодовитыми так и лесными деревьями посадку ...» [6, л. 16]. А между тем въездная аллея обычно представляла собой лишь продолжение длинной, нередко до 1 км, и чаще всего липовой подъездной аллеи, которая связывала отдельно стоящую усадьбу с проезжей дорогой или селом.

Однако излюбленной темой парковых пейзажей в усадьбах Владимирской губернии, как и раньше, оставались водные мотивы. Но к началу XIX в. помещики осознавали, что «... вкус в расположении садов и водяных украшений с некоторого времени во многом переменился. Прежде всего обыкновенно проваживали воду прямыми каналами, происходящими от прямых дорог, кустарников и правильными рядами насаженных дерев, сообщая и самим водоемам равномерно порядочную фигуру; однакож сего единообразного виду ныне более не любят и предпочитают оному тот, которому следует Природа в образовании рек и других больших скопищей водных» [19, ч. 1, с. 13]. Кроме того, «ученые в сем роде люди» советовали «... при заведении больших водяных устроений, надлежит соображаться с методом, чтоб оное было не близко дому, дабы восходящие от воды пары жилище не соделали нездоровым и самому зданию не сообщили сырости ...» [19, ч. 1, с. 14], а также «... надлежит, при заведении потоков и озер, о том помышлять, чтобы находились оные близ насаженных дерев, дабы вода и древо сколько можно красивейшую связь между собой имели» [19, ч. 1, с. 13 – 14].

Главным украшением пейзажного парка являлись прихотливые по очертаниям пруды, которые в это время значительно увеличиваются в размерах (более 100 м в длину и 50 м в ширину) и размещаются как в непосредственной близости от «деревенского дома» (Воспушка; Черниж, Суздальский р-н; Орехово, Собинский р-н), так и по окраинам усадьбы (Андреевское, Омофорово, Костино, Снегирево). Стремясь придать искусственному пруду естественный вид, местные помещики следовали совету «ученых в сем роде людей», которые отмечали, что «стоячие пруды» «... и без чрезвычайной чистоты могут иметь хорошие действия, когда они у места. Сие доказывают пусиновы ландшафты. Пруды могут также соединены быть и чрез то зделается подобными реке или по крайней мере пространному озеру» [20, с. 32]. Нередко посреди большого пруда стали устраивать искусственные островки с «увеселительными лесочками», причем их иногда размещали на реке (Варварино) [34, с. 19], а то даже между рекой и ее притоками или старицами (Андреевское). В последнем случае подобный остров занимал огромную территорию, как в Андреевском, где «... на Ларионовском острове рощу подсадить до самого реки Пекши устья...» [8, л. 41]. А между тем эффектная художественная роль пруда (или прудов) в парковых пейзажах никогда не заслоняла его «... великую удобность, а особливо в случае отдаления от реки, или источника; служит оной к поению скотов, к плаванью гусям и уткам; нередко даже (когда вода хороша) проводят оную под землю трубами в поварню, доставляет это важное пособие в пожарных случаях, к поливанию в садах и овощниках ...; а нередко может тут водиться и рыба ...» [18, ч. 1, с. 33]. Помещики были твердо уверены, что «... вода содействует к немалому украшению садов, домов и самих селений; но важнее еще по тому, что составляет необходимость к жизни и в садовом Земледелии ...» [18, ч. 8, с. 165]. Лирические нотки в парковые пейзажи местных усадеб вносили медленно журчащие ручейки с неожиданными водопадами и каскадами, маленькие гроты с родничками, небольшие болота на дне поросших деревьями и кустарниками оврагов и своеобразные «священные» источники в виде «колодезя, в аглицком саду столярной и живописной работы» [4, л. 8], а также довольно немногочисленные

фонтаны и «водометы», которые «... оживляют сады своею игрою и видами, каковыми в них вода поднимается на воздух ...» [18, ч. 8, с. 181] (Андреевское, Воспушка, Сима, Фетинино, Костино и др.).

Насыщенность усадебных парков Владимирского края декоративными элементами, естественными или искусственными украшениями была, как правило, напрямую увязана с характером «порядочной» усадьбы (*maison de campagne*, *maison d'ete*, *maison de plaisance* и т.п.) и зависела от социального статуса владельца имения. Однако местные помещики единодушно отвергали всякие расточительные излишества, т.е. «щетное обыкновение насыпать горы, раскапывать дороги, вырывать в земле пещеры и тысячи других затей, предпринимаемых богатым, причиняют одни токмо издержки и представляют вокруг жилищ поразительный вид блистательной пустыни» [16, с. 165]. Вполне достаточными украшениями пейзажного парка в провинции считались: «гора Парнасская», завершенная каким-нибудь миловидом [10, с. 56 об.], белокаменная лестница, спускавшаяся к пруду (Андреевское), одна-две «садовые избы» [5, л. 166] или «хижины», например как на владимирской даче И.М. Долгорукова в виде «черкесской палатки» [15, с. 15]. Кроме того, аллеи парка нередко украшали скульптурой, хотя провинциальное дворянство относилось к подобному декоративному оформлению довольно осторожно, поскольку «... употребление статуй в садах также опасно, однако можно их иногда с успехом поместить».

В последней четверти XVIII – начале XIX в. несомненным достоинством «порядочной» усадьбы признавалось, когда «... почти каждый сад, по состоянию хозяина снабжается оранжереями и теплицами, иметь оныя полезно, и почти необходимо, не токмо к сохранению от зимнего холоду нежных иностранных растений ... и чтобы во всю зиму иметь зелень для стола и поварни» [18, ч. 7, с. 25 – 26]. В это время наиболее удобным и выгодным для хозяйства типом подобных построек считались каменные или деревянные здания, представлявшие собой «... род галерей, которые строятся обыкновенно на полдень, и передняя или полуденная сторона оных бывает несколько полагая, и притом состоит вся из оконниц, дабы посредством

того как наивозможно более имели действие в оных солнечных лучи. Делают также в оных теплицах печи, и зимою топят оные соображаясь со свойством, заключающихся в оных теплицах произрастений» [17, с. 247 – 248]. Во Владимирском крае оранжереи и теплицы были практически у каждого состоятельного помещика и служили предметом гордости их владельца. В местных усадьбах подобные постройки обычно подразделялись «... на фруктовые, где воспитывались южные фрукты: апельсины, лимоны, виноград, вишня шпанская, персики, абрикосы, и на тепличные – для ананасов и особо для ягод и овощей» [24]. В «превосходных» оранжереях и теплицах, например в Андреевском, «... зелень во всю зиму не переводилась, которая во всякое время отсылалась и поныне отсылается к батюшке вашего сиятельства в Володимир, для кухни ...» [7, л. 31 об.]. Кроме того, обширные ананасные теплицы, как в усадьбе Трубецких Костино, могли приносить своему владельцу и немалый доход, поскольку был когда-то расчет выращивать этот тропический плод в теплицах и продавать в Москву. «Лимонные», «персиковые», «ананасные», «виноградные» и другие оранжереи или теплицы являлись предметом постоянной заботы помещиков, которые не жалели средств на их обновление: «... лимонная оранжерея плотнишною работою совсем отделана, в которую из старой и дерева переставлены; ... старая лимонная ранжерея с теплицей во одной связи в аглицком саду состоящие, за совершенную ветхостью сломаны ...» [6, л. 103 об.]. Во Владимирском крае подобные постройки, как правило, были деревянными и представляли собой «... две оранжереи деревянные на каменном фундаменте, сделанные в одной связи длиною 15 саж., а попереk 4 саж. На 15 рядах, лесу соснового, крыты тесом. В них по одной кирпичной печи вверху и внизу, по 26 рам со стеклами длиною 1 саж., а шириною 1 арш. 7 верш.; две теплицы деревянные в одной связи, в длину 6 саж. 3/4 арш. попереk 2 саж., крыты тесом. В каждой из них по одной кирпичной печи, в оных теплицах 12 рам со стеклами, при оных жилия изба лесу соснового на 12 рядах, в длину и попереk 2 саж. 2 арш. В ней печь кирпичная, 4 окна из них два красных и два волковых, из последних одно без стекла, а другое со стеклом» [2]. Однако в крупных усадьбах деревянные оранжереи и теплицы нередко

«расписывали по кирпичному», а иногда возводили и каменные постройки. Например, в 1792 г. в усадьбе «Андреевское» «... каменщики – оную теплицу длиною на 15, шириною на 4 сажнях с аршином, ранжерею, длиною на двадцати, ширин. на 4 сажнях склади» [9]. Решенная в виде протяженного, прямоугольного в плане блока одноэтажная оранжерея с глубоким подвалом (частично сохранилась) размещалась вдоль широкой аллеи, связывающей между собой парадное каре господского дома со служебно-хозяйственной частью усадьбы. Такое расположение каменной оранжереи, преследующее одновременно практические выгоды и художественные цели, очень точно отражало основную суть «порядочной» усадьбы, которая всегда являлась единым жилым, хозяйственным и художественным комплексом.

В XIX в., особенно в эпоху романтизма, пейзажный парк, включавший в себя господский дом и служебно-хозяйственные постройки, храм с родовым кладбищем и окрестный ландшафт, призван был воздействовать своими художественными формами прежде всего на чувства деревенских «экономов» и «сельских жителей»:

Селенье, рощу под холмом
И сад над светлою рекою
Она глядит – и сердце в ней
Забилось чаще и сильней [22, с. 136].

Поэтизированный художественный язык пейзажного парка эпохи романтизма мог с наибольшей полнотой выразить эмоциональный мир усадебных строителей, их ощущения прошлого и настоящего; причем создание романтического образа пейзажного парка осуществлялось на основе принципов садово-паркового искусства, а нередко и художественных приемов прошлого столетия. Автор известного «Собрания новых мыслей для украшения садов и дач ...» И.-Г. Громан указывал, что «... искусство украшать природу, сугубо достигает своей цели, есть ли оно может вместе возбудить в нас и мысли. Самое прекраснейшее уединение имеет свои невыгоды: слабость и недостаток сил наших требует, чтобы отдохновение после долговременных рассуждений смешивали мы с теми чувствованиями, которые вселяет в нас зрелище природы. Ничто не возбуждает

столь удобно наших мыслей, ничто не делает столько полезными уединенные наши размышления как вид такого строения которого время не могло еще совершенно разрушить. Сколько веков, сколько достопамятных происшествий приводят нас на память развалины сего моста? Вспоминая часто о прошедшем лучше познаем настоящее и научаемся проникать в будущее» [14, тетрадь 4]. Следуя рекомендациям популярных теоретиков и практиков садово-паркового искусства, таких как И.-Г. Громан, В.А. Левшин или А.Т. Болотов, в первой половине XIX в. усадебные устроители Владимирской губернии видели в искусстве создания пейзажного парка не простое подражание Природе, но ее улучшение различными художественными средствами, им известными и доступными.

Широко распространенными в сельских усадьбах местного дворянства в это время стали сравнительно большие (около 25 – 50 га), многоплановые и исключительно живописные пейзажные парки, тесно слитые с окружающим ландшафтом. По композиции все они были представлены несколькими типами: во-первых, осевые композиции (Карачарово и Бердишево, Муромский р-н; Черниж), где в архитектурно-ландшафтном построении парка доминировало одно ярко выраженное направление аллей и дорог вдоль главной оси, на которой обычно размещался господский дом; во-вторых, крестовые композиции (Завалино, Кольчугинский р-н; Лухтоново, Судогодский р-н; Анкудиново, Петушинский р-н), где архитектурно-ландшафтное построение развивалось от периферии к центру по двум перпендикулярным друг другу направлениям (главное – продольное, подчиненное – поперечное) при выделении на их пересечении или около него центра с архитектурной доминантой; в-третьих, веерные композиции (Кудрявцево, Петушинский р-н; Петровское, Юрьев-Польский р-н; Сушнево, Петушинский р-н), где архитектурно-ландшафтное построение было основано на разбегании аллей и дорог парка в направлении от центра к периферии при соединении их всех обычно у основного входа, причем полукольцевые аллеи и дороги связывали главные лучи между собой; в-четвертых, радиально-звездчатые композиции (Дубки, Кольчугинский р-н), где центр архитектурно-ландшафтного построения парка формировался

в точке пересечения нескольких планировочных осей, а архитектурные доминанты могли (как и в веерных композициях) располагаться на любой из аллей парка. Однако такое типологическое деление во многом условно, поскольку в пространстве пейзажного парка в целом или отдельных его частей все эти композиции могли сочетаться, смешиваться, накладываться друг на друга, создавая нескончаемое многообразие композиционных схем, приглашавших владельца усадьбы и его гостей в романтическое путешествие по парковым аллеям и дорожкам.

Основной массив пейзажного парка, состоящий преимущественно из местных пород (липа, ель, береза, сосна, тополь, рябина, дуб, терн, орешник и т.п.), как и раньше, включал в себя сезонные и вечнозеленые насаждения, которые обеспечивали ему привлекательность в любое время года. Сравнительно узкие, тесно обсаженные липами (реже березами или дубами), с вкраплениями ели или сосны аллеи пересекали его по разным направлениям, ориентированным на тот или иной архитектурный или природный объект: господский дом или скотный двор, зеленую беседку или открытую поляну, усадебный храм или пруд и т.п. По окраинам парк, как правило, был очерчен периметральными липовыми посадками вдоль небольших искусственных рвов или естественных оврагов и переходил в березовые или дубовые рощи, сосновый бор или просто смешанный лес. В первой половине XIX в. усадебные строители Владимирского края еще не утратили интерес к экзотам и редким растениям из разных стран, теперь часто окружая их романтическим ореолом. В это время практически каждое дерево необычайной формы вызывало у помещиков пристальное внимание, причем старые деревья нередко соотносились в их восприятии с красивыми легендами или преданиями. Традиционно любили в губернии березу, которую считали «благословенным деревом», некогда укрывшим Богородицу и Христа от непогоды, а святую Параскеву Пятницу от преследования черта. Стройная, белоствольная, с тонкими поникшими ветвями и нежной листвой, она вызывала восхищение и с давних пор воспринималась символом всего самого светлого в жизни Человека, любви к Родине и родительскому дому, олицетворением красоты. Особое семантическое значение в пейзажном

парке местные помещики придавали и дубу – «прадеду-прадедов». Именно он, нередко обнесенный специальной оградой, за которую разрешалось заходить только избранным, представлял собой «... священное дерево, посаженное в день его рождения, и после бывшее свидетелем первого признания в любви милой его супруги» [14, тетрадь 15]. Такое «священное дерево» имелось практически у каждого владимирского помещика. Иногда это могла быть и липа, как в усадьбе Одоевских (Новониколаевское, Юрьев-Польский р-н), посаженная поэтом-декабристом Александром Ивановичем Одоевским (1802 – 1839), которой он посвятил замечательные строки:

Я помню липу; нераздельно
Я с нею жил, и листьев шум
Мне веял песней колыбельной,
Всей негой первых детских дум [34, с. 53].

В усадьбе Всеволожских (Жерехово) романтическим ореолом были овеяны четыре посаженные у пруда лиственницы – три на одной стороне дороги, а одна на другой, символизировавшие в духе бытовавшей здесь легенды отца с двумя сыновьями и мать, отчужденную от семьи.

Для выращивания экзотов и редких растений местные помещики вплоть до середины XIX в. продолжали возводить в своих садах и парках огромные каменные и деревянные оранжереи, нередко придавая им «хорошую наружность». В 1850-х гг. в усадьбе Уваровых (Карачарово), славившейся в губернии своим «ботаническим садом», было каменное, «новое оранжерейное отделение ... на месте старого грунтового сарая, окончено и очень красиво» [12]. Оранжерея П-образной формы (не сохранилась) располагалась к юго-западу от господского дома и предназначалась для культивирования «персиковых деревьев», «виноградных деревьев», «финиковых пальм» и многочисленных сортов цветов, причем специальное отделение было отведено для «северных растений» [13]. Большой популярностью в «порядочных» усадьбах местных помещиков пользовались различные теплицы и парники, основные типы которых практически не изменились в сравнении с предшествующей эпохой.

По своей планировочной структуре наилучшими среди состоятельных помещиков Владимирского края первой половины XIX в., как и раньше, признавались усадебные парки, состоящие из четырех частей: «овощника», «сада плодового», «сада цветочного» и «увеселительного лесочка». Каждая из этих частей была обычно отделена от другой «решетчатым забором» или живой оградой из «плодовых» деревьев и кустарников. Однако если «овощник», «сад плодовый» и «увеселительный лесочек» могли варьировать свое местоположение в композиции усадебного парка, следуя за особенностями рельефа или планировочной схемы усадьбы, то «сад цветочный» всегда располагался около господского дома, обеспечивая плавный переход от архитектуры к природному пейзажу (Лухтоново, Карачарово, Черниж, Сушнево).

Основную эмоциональную и художественную нагрузку в усадебных парках Владимирского края первой половины XIX в. несли «увеселительные лесочки», нередко получавшие собственные имена – «Березник», «Сосенки» и т.п. В это время состоятельные помещики стремились превратить свои усадебные парки в некое подобие живых пейзажных картин, причем таких, где восприятие отдельных мотивов архитектуры и ландшафта складывалось бы в сознании дворянства в единое пейзажное полотно. Важнейшим источником художественного вдохновения усадебных строителей служили пленительные образы русской поэзии (И.И. Козлов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Е.А. Баратынский и др.). Однако не менее поэтично для них звучали и замечательные произведения пейзажной живописи, воплощавшей романтические образы итальянских ландшафтов (Сильв. Ф. Щедрин, М.И. Лебедев) или воспевавшей красоту русской природы (А.Г. Венецианов, Г.В. Сорока). В коллекции Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника хранится интересная картина «Село», принадлежащая кисти известного художника-пейзажиста Г.Г. Чернецова, совершившего вместе с братом поездку по России с целью запечатлеть ее ландшафты в рисунках и живописи. Это полотно, написанное, вероятно, в каком-то из дворянских имений Ополя, отличается большой достоверностью как в изображении архи-

тектурного облика села, так и в передаче естественного состояния природы. Подобная пейзажная живопись вполне могла выступать конкретными «праобразами» для помещиков Владимирского края, желающих устроить свое имение или усадьбу «наилучшим образом».

Излюбленными украшениями «увеселительных лесочков» в местных усадьбах являлись естественные или искусственные красоты ландшафта (боскеты, поляны, овраги, курганы, аллеи с таинственными закоулками, пруды, «священные деревья» и т.п.), а также парковые сооружения (беседки, гроты, мостики, руины, памятные знаки, кенотафы и т.п.), выполненные преимущественно из дерева. Однако в это время помещику-романтику для воплощения в реальную действительность его целостного восприятия природы таких выразительных средств все же оказывалось недостаточно, и он нередко обращался к аллегорическим образам в виде скульптурных изображений. Так, в усадьбе Уваровых (Карачарово) появилась скульптурная композиция «Четыре времени года», включавшая в себя четыре отдельные статуи: «Зима», «Весна», «Лето» и «Осень» (ныне хранятся в Муромском историко-архитектурном и мемориальном музее). А кроме того, некоторые художественные образы в местных усадебных парках являлись своеобразным откликом на крупные военно-политические события в России первой половины XIX в., например в усадьбе Жуковских (Орехово) бугор земли у пруда в 1850-е гг. получил название «Малахов курган» и был местом ребячьих игр в период Крымской войны. При всем многообразии возможных украшений для «увеселительных лесочков» их подбор определялся четкими художественными критериями, на которые обращал внимание в своих тетрадах И.-Г. Громан: «... Нередко находятся в природе такие местоположения, которым многие украшения бесполезны. Например совсем было бы не кстати, есть ли бы какой-нибудь зверинец имел прекрасный правильный вход, и в окрестностях его стояли бы бедные крестьянские хижины. Ни что не может быть так противно тонкому вкусу, как подле нищеты высказывать роскошь, пышность это значило бы с намерением оскорбить взор зрителя столь ощутительным не согласием» [14, тетрадь 9].

Неизменным успехом в усадебных парках Владимирской губернии первой половины XIX в. продолжали пользоваться различные водные мотивы: пруды, ручейки, водопады, каскады, источники. Обязательной составной частью практически каждого местного «увеселительного лесочка» оставался причудливый по очертаниям пруд (или несколько прудов), который в это время обычно получал свое собственное имя: «Чистый», «Большой», «Барский», «Птичий» и т.п. В усадьбе Акинфовых (Завалино) широкий и живописный по форме пруд был выложен камнем; посредине находился остров с беседкой, а от него был переброшен мост к ведущей вверх по косогору лестнице и стоящему наверху господскому дому. А в усадьбе Кречетниковых (Черниж) устроили три пруда – «Большой», «Барский», «Глиняный», причем два последних разделялись плотиною. В эпоху романтизма новый художественный импульс обрел популярный во времена барокко водный мотив в виде украшенного скульптурой фонтана (Федоровское, Карачарово), о котором в это время восторженно отзывалась русская поэзия [26, с. 125 – 126]:

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной –
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистошимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя метет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо роковая
Твой луч упорный, преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

(Ф.И. Тютчев, 1836).

Пейзажные парки эпохи романтизма призваны были прежде всего впечатлять, воздействовать на различные чувства Человека, пробуждая в нем Поэта и Художника. Во второй половине XIX столетия широкое распространение в сельских усадьбах местного дворянства получили так называемые «экономические» сады. Однако крупные помещики Владимирского края еще не утратили интерес к садам и паркам как художественным произведениям. Великолепные парки, сохранявшие традиции садово-паркового искусства предшествующего времени, были устроены в усадьбах графа К.К. Толя (Федоровское, Юрьев-Польский р-н) и князей Грузинских (Михайловское, ныне пос. им. Ленина, Камешковский р-н).

Совершенно исключительным явлением не только в крае, но и в России конца XIX – начала XX вв. стал усадебный парк В.С. Храповицкого в Муромцево. Для этого замечательного парка было характерно: прекрасная планировка, умело и творчески раскрывающая особенности рельефа местности, изумительный подбор насаждений с различными экзотами хвойных и лиственных растений (ель голубая, кедр сибирский, пихта, акация белая, бархат амурский, орех маньчжурский, каштан конский, пальмы, лавр и т.д.), а также удачное сочетание насаждений, садовой скульптуры и архитектуры. Усадебный парк занимал территорию около 40 га и объединял в себе две зоны: регулярную и пейзажную. Регулярная зона парка с радиально расходящимися аллеями, цветниками причудливой формы и каскадами фонтанов, украшенных скульптурами А.С. Козлова, располагалась около дворца. Садовые материалы для устройства регулярной части В.С. Храповицкий закупал в садоводствах Бауэра, Фогта, Ноева, Эйлерса и графа Уварова, а также в помологическом саду Регеля и Кессельринга. Так, пейзажная зона парка была разбита в 1910 г. ландшафтным архитектором Георгом Куфельгом (1853 – 1938). Здесь были проложены освещенные электричеством дорожки, украшенные садовой скульптурой из мастерской братьев Ботта и специальной венской мебелью Тонет. В оранжереях круглый год выращивались персики, французские сливы и другие экзотические фрукты, которые поставлялись в лучшие магазины обеих столиц (Москва и Петербург). Например, в 1890 г. в Москву было продано 1730 штук персиков и 205 штук французских слив [11].

Не остался без изменений и ландшафт, окружающий усадьбу В.С. Храповицкого. Управляющий лесным хозяйством в его имении К.Ф. Тюрмер (1824 – 1900) за восемь лет (1892 – 1900)

засадили лесами, состоящими из высокопродуктивных культур смешанных по составу хвойных пород, площадь размером около 3 052 га. Преемники К.Ф. Тюрмера, П.К. Герле и А.П. Кнорре, довели площадь лесонасаждений к 1917 г. до 5 336 га.

Во Владимирском крае на протяжении XVIII – XIX вв. через обустройство ландшафта имения, украшение пейзажного парка разнообразными «затейми» и «диковинами» раскрывался характер владельца усадьбы, его социальное положение.

В настоящее время во Владимирской области в различной степени сохранности имеется более пятидесяти усадебных парков XVIII – XIX вв., причем пять из них – памятники архитектуры федерального значения (Андреевское, Жерехово, Орехово, Муромцево, Сима), а четыре – местного значения (Карачарово, Фетинино, Лухтоново, Ратислово).

Контрольные вопросы и задания

1. Опишите усадебные сады и парки Владимирского края эпохи барокко.
2. Назовите характерные черты пейзажных парков Владимирской губернии второй половины XVIII – начала XIX в.
3. Расскажите о структуре усадебных парков Владимирского края XVIII – XIX вв.
4. Назовите наиболее известные усадебные сады и парки Владимирской области.
5. Охарактеризуйте особенности садово-паркового искусства Владимирской губернии первой половины XIX в.

Темы рефератов

1. Русские теоретики и практики садово-паркового искусства XVIII – XIX вв.
2. Усадебные сады и парки Владимирского края эпохи барокко.
3. Усадебные сады и парки Владимирского края эпохи классицизма.
4. Усадебные сады и парки Владимирского края эпохи романтизма.
5. Проблемы сохранения и современного социокультурного использования усадебного садово-паркового наследия Владимирской области.

Очерк 2. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

На протяжении столетий во Владимирском крае сформировались интереснейшие культурно-исторические ландшафты, на территории которых расположены замечательные памятники архитектуры и садово-паркового искусства. Некоторые из этих ландшафтов являются памятниками природы регионального значения.

Культурно-исторический ландшафт «Юрьевское (Владимирское) Ополье». Главное природное богатство Владимирского края – Юрьевское (Владимирское) Ополье, расположившееся в его северо-западной части. Естественными границами Ополья служат река Клязьма на юге и востоке, река Нерль на востоке и севере и возвышенность (плато), разделяющая истоки рек Дубны, Трубежа, Кубры, Киржача и прочих, на севере и западе. Густой травянистый покров, наличие небольших площадей леса вокруг северо-западного плато способствовали накоплению здесь вод, питавших многочисленные реки: Рпень, Колокшу, Пекшу, Селекшу, Скомянку и др. Остальная часть Ополья небогата проточными водами. Все пространство Ополья, где господствуют темноцветные почвы («юрьевский чернозем»), представляет неровную, волнообразную, овражистую поверхность. Речки и овраги имеют крутые берега, в которых часто образуются глубокие обвалы. О плодородии почв Ополья свидетельствуют произрастающие в нем деревья и кустарники: дуб, вяз, клен, орешник, осина, липа, белая ива и дикая рябина, древесина которых широко используется в строительстве и производстве мебели. В силу таких благоприятных природных условий Ополье – наиболее освоенная в земледельческом отношении часть Владимирского края.

Во Владимирском, Суздальском, Переславском и Юрьевском уездах издавна концентрировались дворянские имения, хотя подыскивать здесь живописные и удобные места для помещичьих усадеб было затруднительно. В опольных имениях хорошие урожаи давали основные зерновые культуры, обеспечивая помещикам стабильный доход. Также процветали садо-

водство и огородничество. Садоводческая зона губернии находилась около Владимира и тянулась к северо-западу от него непрерывной полосой, постепенно слабея. За Владимирским уездом полоса садоводческой культуры переходила в соседние южные волости Юрьевского и Суздальского уездов, частью захватывала северо-восток Покровского уезда и, понемногу разрежаясь, тянулась на северо-запад по всему Юрьевскому уезду вплоть до Ростовского уезда Ярославской губернии. В помещичьих садах преобладали яблони, вишни, терновник, крыжовник, малина. В оранжереях и теплицах разводили ананасы, лимоны, персики, виноград и другие экзотические растения. Лучшие сады находились у помещиков в селах Симе, Петровском, Турабьеве, Ратислове, Андреевском, Костине, Смоленском и Патакине. В тех частях Ополя, где позволяли природные условия или была выработана экономичная система по уходу и содержанию животных, помещики создавали конские заводы. Лучшие из них были в селах Фетинине, Жерехове, Симе и Ратислове. Главные сенокосные угодья находились около рек Ворши, Колокши, Нерли и особенно по течению Клязьмы. Важной статьёй дохода опольного дворянства считался и рыбный промысел в реках Клязьме и Нерли, специально вырытых в усадьбах прудах. В имениях помещиков Суздальского, Юрьевского и Шуйского уездов развивались полотняные и суконные мануфактуры.

На территории Ополя располагаются древнейшие города Владимирского края (Суздаль, Владимир, Юрьев-Польский) и исторические села (Караваново, Порецкое, Воскресенская слободка, Подолец и др.), на протяжении столетий поддерживающие устойчивые традиции торгово-ремесленной деятельности, а также сохранившие до наших дней историческую застройку и замечательные архитектурные памятники XII – XIX вв., в том числе памятники белокаменного зодчества Древней Руси.

Национальный природный парк «Мещера». Создан Постановлением Правительства РФ от 09.04.1992. Парк занимает территорию общей площадью около 118,9 тыс. га, в том числе 72,7 тыс. га (61,1 %) предоставлены национальному парку, 46,2 тыс. га (38,9 %) – земли других собственников, владельцев и пользователей, включенные в границы парка без изъятия их

из хозяйственной деятельности. На этих землях расположены 46 населенных пунктов (поселков городского типа и сел), в которых проживает около 14 тыс. человек. Удивительное разнообразие растительных сообществ и ландшафтов создает здесь неповторимую мозаику. Величественные сосновые боры и торфяные болота, светлые дубравы и затопленные черноольшаники, «разбойничьи, глухие» чащи и пойменные луга, потаенные лесные озера – все вобрала в себя природа Мещеры. В этом краю обитает множество животных. Здесь можно встретить лисицу и лося, бобра и барсука, лесного хоря и куницу, многих водоплавающих и хищных птиц.

С незапамятных времен жители Мещеры возделывали землю, однако успехи сельского хозяйства всегда были весьма скромны – подзолистые почвы, характерные для этих мест, не отличаются высоким плодородием. Зато важную роль в традиционном хозяйстве Мещеры издавна играл лес. Старинные документы перечисляют десятки ремесел, связанных с лесом и обработкой дерева. Свообразные «стожки», сложенные из дров – отличительная черта мещерских деревень. До сих пор радуют глаз путешественника резные наличники деревянных домов. Многовековой труд человека наложил свой отпечаток и на ландшафты края. Своим существованием ему обязаны многие луга, водохранилища, часть хвойных лесов.

Промышленность развивалась в Мещере с середины XVIII в. В то время изобилие чистой воды, песка и леса, необходимых для стекольного производства, привлекло в эти края заводчиков Мальцовых. Позднее семья Мальцовых возвела во владимирской Мещере не только заводы, но и храмы, школы, поселки, жилые кварталы для работников предприятий. Изделия местных стекольных дел мастеров славились по всей России.

На территории Александровского района насчитывается более 20 антропогенных ландшафтов, которые могут быть отнесены к культурно-историческим.

Культурно-исторический ландшафт «Шуйские полоски». Здесь в 1609 г. русские войска во главе с князем-воеводой М.В. Скопиным-Шуйским провели сражение с польско-литовскими захватчиками. В результате победы была снята осада поляками Троице-Сергиева монастыря. В состав ландшафта вхо-

дит красивейшее озеро Каринское с водоохранной зоной. На берегу озера установлен поклонный камень в память о событиях 1609 г. В августе 2003 г. здесь проведен I Межрегиональный историко-патриотический фестиваль молодежи под названием «Отчизны верные сыны».

Культурно-исторический ландшафт «Немецкие горы». В его границы вошли леса I группы – кварталы 150 и 153 Гослесфонда, имеющие значение зеленой зоны г. Александрова, водоохранная зона рек Серой и Нюньги. Такое название «Немецкие горы» получили после учений «потешных» полков Петра I в 1689 г.; учениями руководили «немцы» – так в то время называли иностранцев из Европы. В районе слияния рек Серой и Нюньги, на возвышенном левом берегу реки Серой находится памятник археологии – место, где был Симеоновский монастырь, история которого связана с освободительной борьбой русского народа против польско-литовской интервенции 1609 – 1612 гг. В 1609 г. он был razoren, в 1636 г. началось восстановление монастыря, который просуществовал до 1724 г., после чего был упразднен. На реке Серой до сих пор сохранились остатки плотины монастырской мельницы, которой долго еще пользовались жители некогда существовавшей деревеньки Хохряковка. С места, где стоял этот монастырь, открывается живописнейшая пойма реки Серой и панорама г. Александрова. В пойме реки Серой было открыто языческое капище финно-угорского периода и две стоянки эпохи мезолита.

Культурно-исторический ландшафт «Золотая чаша». Расположен в районе деревень Антонка, Ям, Пустынь. На данной территории находится городище раннего железного века «Золотая чаша», датируемое V – VIII вв. Оно относится к позднему этапу дьяковской культуры. Мыс, образованный сходящимися оврагами, отделен от остальной территории рвом. Из середины образовавшегося треугольника выбрана земля и насыпан огромный вал. Вал мог быть укреплен частоколом, что делало место неприступным. При нашествии неприятеля городок, как и несколько ближайших городищ, мог использоваться жителями окрестных селений в качестве убежища. Летописное упоминание об одном таком нашествии относится к зиме 1135 г., когда сюда пришли новгородские дружины и остановились на

противоположном берегу реки Кубри, на горе, именуемой с тех пор «Жданая гора». Здесь их встретила ростово-суздальская рать. Сошлись дружины «и победиша ростовцы новгородцев». Произошло это в день святого Иосифа, поэтому в память о погибших был поставлен на левом берегу реки Кубри монастырек Осипова пустынь (ныне д. Пустынь). Вниз по течению ручья от городища «Золотая чаша» находится множество родников и источников. Один из них – памятник языческого культа, а впоследствии христианской религии, носящий имя «Святой родник», по сей день почитаемый жителями окрестных сел и деревень.

Культурно-исторический ландшафт «Беляева гора». Данная территория формируется водоохранной зоной реки Молокчи от д. Перематкино до д. Снятиново. У д. Перематкино сохранились фрагменты старинной усадьбы, родник с вкуснейшей питьевой водой, барская липовая аллея. Удаленность живописнейшего места от городов и какая-то особая аура уводят от суеты, присущей городской жизни. Сюда хочется вернуться еще и еще, прогуляться по липовой аллее, послушать тишину и удивительные звуки природы. Ниже по течению, на левом берегу реки Молокчи расположен памятник археологии «Беляева гора», где выявлены следы селища XIV – XVI вв., стоянки каменного века. Там же, близ местечка «Белый камень», сохранились остатки каменных строений. Здесь в XVI – XVII вв. добывали в небольших количествах известняк. Села Гидеево (Егидеево) и Снятиново упомянуты в актах XV в.

Культурно-исторический ландшафт «Махра». Его формирование неразрывно связано с историей развития Стефано-Махрицкого монастыря, основанного в XIV в. киево-печерским монахом Стефаном. Монастырь на речке Махра посетил Сергей Радонежский, останавливавшийся у Стефана во время своего удаления из родной Троицкой обители. Наиболее интенсивная архитектурно-строительная деятельность в Стефано-Махрицком монастыре относится к концу XVIII – началу XIX в., когда полюбивший обитель митрополит Московский Платон проводил там по несколько месяцев каждое лето. Несмотря на значительные утраты, комплекс сохранил планировку и некоторые строения в стиле раннего классицизма: надвратную цер-

ковь Сергия Радонежского (1788 – 1792), настоятельский корпус с братскими кельями (1768 – 1769) и кирпичную ограду с башнями (1791 – 1792), а также здания, возведенные в XIX в. (гостиница, трапезная). Помимо монастырского комплекса на данной территории расположены: неолитическая стоянка к востоку от моста в пойме реки Молокчи и селища XIII – XVII вв. к западу от д. Юрцово. К природоохранным объектам относится водоохранная зона рек Молокчи и Махры с водохранилищем и плавающим островком. Оторвавшийся кусок берега с растительностью под действием ветра перемещался по поверхности воды от берега к берегу. В настоящее время островок корнями кустарников прирос к берегу.

Культурно-исторический ландшафт «Крутец». На данной территории находятся памятники археологии: славянский курганный могильник «Панья горка», древнерусское селище XIII – XV вв., место когда-то существовавшего маленького монастыря, следы плотины от мельницы на реке Серой. Здесь сохранился комплекс усадьбы александровского купца первой гильдии В.П. Зубова. Ранее эта усадьба принадлежала знаменитой фамилии Бутурлиных. С 1727 по 1738 г. тут жил в ссылке сподвижник Петра I генерал-аншеф И.И. Бутурлин (1661 – 1738), которого во время своих приездов в Александровскую слободу навещала цесаревна Елизавета Петровна. Недалеко от усадебного храма (не сохранился) находится могила известного православного писателя С.А. Нилуса (1862 – 1929), проживавшего с мая 1928 г. и до своей смерти в семье крутецкого священника В.А. Смирнова. Усадьба, выстроенная во второй половине XIX в., отличается исключительно живописным местоположением на взгорье, откуда открываются красивые виды на заречный ландшафт. Деревянный одноэтажный дом с мезонином и флигелем, а также небольшой амбар поставлены по оси запад-восток, перпендикулярной подъездной дороге. К северу, югу и западу от них простирается большой пейзажный парк. Около въезда в усадьбу расположена кирпичная конюшня. В ландшафт включены водоохранные зоны рек Серой и Сорочки, реликтовый сосновый бор рядом с усадьбой, объявленный памятником природы, и лесной массив, в котором расположена база отдыха «Кристалл». К землям рекреационного назначения

отнесено искусственное водохранилище с водоохранной зоной на реке Сорочке. Водоохранилище используется жителями г. Александрова, окрестных сел и деревень в качестве места отдыха и любительского рыболовства.

Культурно-исторический ландшафт «Зеленцино». Включает в себя водоохранную зону реки Серой в районе с. Зеленцино, пруд на реке Вздерниножке, на берегу которого расположен памятник археологии – селище XIV в. Еще три селища XIV в. выявлены к северу от села, в непосредственной близости от которых открыта стоянка древнего человека эпохи неолита и найдены остатки более древней стоянки финального палеолита. Наиболее ценным объектом ландшафта является «Святой колодец», использовавшийся в качестве языческого капища, о чем говорят находки эпохи мезолита, а впоследствии, по преданию, освященный Сергием Радонежским во время пребывания в Махрищском монастыре.

Культурно-исторический ландшафт «Государев пруд». Расположен в с. Ирково. В центре села сохранилась Введенская церковь XIX в. В писцовой межевой книге 1675 – 1676 гг., хранящейся в фонде Оружейной палаты, дается описание более раннего местного храма: «церковь деревянна, рублена в клетку ..., строение блаженной памяти Великого Государя, царя Великаго всея Руси Ивана Васильевича». На церковной земле раньше располагался дом священника с усадьбой и прудом. Дома давно нет, но остался пруд – «Государев», названный так в память о посещении села Иваном Грозным. Сохранилось название еще одного пруда – «Попов». Во времена Отечественной войны 1812 г. квартировавшими в селе солдатами был выкопан пруд. В Крещение в нем святители воду, опуская в прорубь большой серебряный крест. После этого жители набирали воду и хранили ее до следующего года. Вода не портилась, имела целебные свойства. Отсюда, вероятно, название пруда – «Святой».

Культурно-исторический ландшафт «Боганы – Шимохтино». Природоохранной частью данного ландшафта является водоохранная зона реки Большой Киржач от урочища Боганы до села Шимохтино. Богонский Ям XVI в. (до недавних времен деревня Богоны), стоявший на большой дороге в Юрьев-Польской, является историческим местом, упомянутым в летописи

по поводу отравления в 1569 г. по приказу Ивана Грозного князя Владимира Старицкого с семьей (двоюродного брата царя). Ниже по течению размещалось древнее село Локотково. Близ села Шимохтино находится памятник археологии – городище раннего железного века «Красный городок». В самом селе до недавнего времени стояла Спасская церковь с шатровой колокольней, построенная в 1727 г.

Культурно-исторический ландшафт «Поганая лохань». Находится близ г. Карабаново. На его территории расположен редкий водоем карстового происхождения, впадина которого в виде чаши уникальна. Рядом находится могильник эпохи бронзы и языческое славянское капище. В повести «Князь Серебряный» А.К. Толстой так описывает это место «... среди дремучего леса было топкое и непроходимое болото, которое народ прозвал Поганую Лужей. Много чудесного рассказывали про это место. Дровосеки боялись в сумерки подходить к нему близко. Уверяли, что в летние ночи над водою прыгали и резвились огоньки, души людей, убитых разбойниками и брошенных ими в Поганую Лужу». Жители окрестных сел и деревень уверены, что это и есть то самое место.

Культурно-исторический ландшафт «Парк Гольшевка». Расположен в д. Барское Татарово Вязниковского района. Занимает территорию общей площадью 40 га. Парк был заложен во второй половине 1860-х гг. известным издателем, краеведом и этнографом Иваном Александровичем Голышевым (1838 – 1896). В 1864 г. он купил пустошь с березовой рощей у д. Барское Татарово и построил здесь усадьбу. Свое название «Гольшевка» она получила в 1877 г. при официальном расписании населенных мест как отрубное владение. И.А. Голышев в 1858 г. открыл первую в губернии сельскую литографическую мастерскую, где печатал лубочные картинки и дешевые книжки для народа. Он сделал более 500 самых разнообразных историко-краеведческих публикаций, издал много литографий древних памятников и специальных альбомов. В усадьбе Голышев выстроил себе двухэтажный дом, на первом этаже которого располагались книжная лавка, знаменитая литографическая мастерская и кухня. Дом возвышался среди цветущего кустарника. По обе стороны его раскинулась березовая роща, которая спускалась с

откоса горы к заливному широкому лугу, лежащему вдоль реки Мстерки. По одну сторону дома Голышев посадил сад, изгородью которого была густая сирень, растущая по кругу. Этот сад имел внутренние «комнаты» из белой сирени, жасмина и шиповника. Там также рос серебряный тополь, были устроены стены и скамьи для бесед, трапезы. Приусадебные постройки замыкали пространство двора с двумя воротами, коровником, амбарами, складскими помещениями. Со двора шел выход в огород и фруктовый сад. В усадьбе И.А. Голышева хранились многочисленные коллекции предметов старины и народного быта: ризы, кресты, масляная живопись, сундуки, шкатулки из кости, подсвечники, изразцы, керамика, кокошники, украшения, пряничные доски, дубки, домовая резьба. Была в усадьбе и замечательная библиотека. В настоящее время сохранилась часть усадебного парка с березовой рощей, признанная памятником природы регионального значения.

Культурно-исторический ландшафт «Боголюбовский луг». Ботанический заказник «Боголюбовский луг» расположен в междуречье Нерли и Клязьмы и относится к пойменному ландшафту. Общая площадь луга составляет около 160 га, где насчитывается более 200 видов высших растений. Здесь находится жемчужина белокаменного зодчества Владимиро-Суздальской Руси XII в. – церковь Покрова на Нерли. В 1966 г. Боголюбовский луг взят под охрану как особо ценный памятник природы, а в 1992 г. церковь Покрова на Нерли была включена в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте характеристику понятия «культурно-исторический ландшафт».
2. Назовите наиболее известные культурно-исторические ландшафты Владимирского края.
3. Расскажите о культурно-исторических ландшафтах Александровского района.
4. Сравните культурно-исторические ландшафты Ополья и Мещеры.
5. Опишите основные факторы, влияющие на формирование культурно-исторических ландшафтов.

Темы рефератов

1. Национальный природный парк «Мещера».
2. Каринское поле.
3. Липецкое поле.
4. Юрьевское Ополье – главное природное богатство Владимирского края.
5. Проблемы сохранения и современного использования культурно-исторических ландшафтов Владимирской области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимоотношения природы и человека в его культурной эволюции – динамичный, развивающийся в историческом времени процесс. Историко-культурные явления вступают в контакт с естественным ландшафтом самыми разнообразными способами: через исторические события, памятники архитектуры и садово-парковое искусство, созданные человеком, через многие виды его жизнедеятельности, определяющие степень и форму взаимоотношений человека с природой, и, наконец, через отношение человека к окружающему его миру. За прошедшие столетия на территории Владимирского края сложились различные культурно-исторические ландшафты, связанные с важнейшими событиями в истории России и нашего региона, а также включающие в себя замечательные памятники архитектуры и садово-паркового искусства, в том числе и поставленные на охрану ЮНЕСКО.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Итакъ только почитаю я счастливыми и благо-
рзучными, коихъ все богатство основано на-
Зорости, ио хозяйствъ или домоводства. Озасъ тл. 15. кн. 1.*

Рис. 1. «Новый деревенский дом». Гравюра из книги В.А. Левшина «Всеобщее и полное домоводство» (М., 1795)

Рис. 2. Усадьба Кузьминых-Короваевых «Ратислово». XVIII – XIX вв.

Рис. 3. Усадьба Воронцовых «Андреевское». Парк. XVIII – XIX вв.

Рис. 4. Усадьба В.С. Храповицкого «Муромцево».
Конец XIX – начало XX в.

Рис. 5. Усадьба Голицыных «Сима». Парк. XVIII – XIX вв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 131. Л. 5.
2. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 166. Л. 10 об.
3. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 170. Л. 82.
4. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 179. Л. 8, 8 об.
5. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 198. Л. 44, 44 об., 88, 164, 166.
6. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 314. Л. 16, 80 об., 103 об., 104.
7. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 426. Л. 31 об., 32.
8. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 594. Л. 40, 40 об., 41.
9. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 851. Л. 62.
10. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 1105. Л. 56, 56 об., 130 об.
11. ГАВО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 23. Л. 73.
12. ГАВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 25. Л. 16 об.
13. ГАВО. Ф. Р-980. Оп. 2. Д. 6. Л. 35, 35 об., 37, 137.
14. Громан, И.-Г. Собрание новых мыслей для украшения садов и дач, во вкусе английском, готическом, китайском; для употребления любителей английских садов и помещиков, желающих украшать свои дачи / И.-Г. Громан. – М., 1799.
15. Долгоруков, И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / И. М. Долгоруков. – Ковров : БЭСТ-В, 1997. – 576 с. – ISBN 5-89312-005-1.
16. Ефремов, Н. Опыт сельского домостроительства / Н. Ефремов. – Смоленск, 1810.
17. Иванов, Н. Подробный словарь увеселительного, ботанического и хозяйственного садоводства / Н. Иванов. – СПб., 1792.
18. Левшин, В. А. Всеобщее и полное домоводство. В 12 ч. Ч. 7 – 8 / В. А. Левшин. – М., 1795.
19. Он же. Садоводство полное, собранное с опытов и из лучших писателей о сем предмете, с приложением рисунков. В 4 ч. Ч. 1 / В. А. Левшин. – М., 1805.
20. Опыт расположения садов. – СПб., 1778.
21. Осипов, Н. Новой и совершенной русской садовник. В 2 ч. Ч. 1 – 2 / Н. Осипов. – СПб., 1790.
22. Пушкин, А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4 / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1960. – 599 с.

23. Сборник нормативно-правовых документов по особо охраняемым территориям Владимирской области. В 2 ч. Ч. 1 – 2 / сост. : Г. В. Есякова, С. Н. Давыдова ; Владимиринформэкоцентр. – Владимир, 2002.

24. Архангельский, И. Село Старое Фетиньино Владимирского уезда (из воспоминаний) / И. Архангельский // Владимирские губернские ведомости. – 1903. – № 31. – С. 7– 10.

25. Суворов, А. В. Письма / А. В. Суворов. – М. : Наука, 1986. – 808 с.

26. Тютчев, Ф. И. Фонтан / Ф. И. Тютчев // Современник : лит. журн. А.С. Пушкина, 1836 – 1837 : избранные страницы. – М. : Сов. Россия, 1988. – С. 125 – 126. – ISBN 5-268-00863-3.

Рекомендуемая литература

27. Барашев, М. А. Культура русской усадьбы второй половины XVIII – начала XIX века. Очерки : учеб. пособие / М. А. Барашев. – Владимир : Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2002. – 68 с. – ISBN 5-89368-349-8.

28. Веденин, Ю. А. Очерки по географии искусства / Ю. А. Веденин ; Рос. науч.-исследоват. ин-т культур. и природ. наследия. – М., 1997. – 224 с. – ISBN 5-86007-095-5.

29. Земля Владимирская : географ. слов. / сост. Л. А. Фоминцева ; Владим. отд. Географ. о-ва СССР. – Владимир, 1991. – 208 с. – ISBN 5-85-94-8-004-0.

30. История Владимирского края с древнейших времен до наших дней : учеб. пособие / под ред. Д. И. Копылова. – Владимир : Дюна, 2001. – 392 с. – ISBN 5-85-624-120-7.

31. Кичигин, М. И. Владимирское ополье : историко-хозяйственный очерк / М. И. Кичигин, А. Л. Иванов ; Владимир. НИИСХ. – Владимир, 1993. – 378 с.

32. Ревякин, В. Н. Историко-природные ландшафты. Земли природоохранного, историко-культурного и рекреационного назначения округа Александров / В. Н. Ревякин ; Ист.-краевед. клуб «Отечество». – Александров, 2004. – 36 с.

33. Рыбкин, Н. Генералиссимус Суворов : Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность / Н. Рыбкин. – М., 1874.

34. Чернов, Г. И. Герои 14 декабря. Записки о декабристах-владимирцах / Г. И. Чернов. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1973. – 136 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Очерк 1. УСАДЕБНЫЕ САДЫ И ПАРКИ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ XVIII – XIX вв.	6
Очерк 2. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ.....	29
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	39
ПРИЛОЖЕНИЕ	40
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	44

Учебное издание

БАРАШЕВ Михаил Анатольевич
РЕВЯКИН Владимир Никитович

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ
ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ. ОЧЕРКИ

Учебное пособие

Подписано в печать 30.08.07.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 2,79. Тираж 100 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.